

Кондратьева Н.В.
г. Ижевск

К вопросу о происхождении терминативного маркера в удмуртском языке

С точки зрения исторического развития падежных маркеров современного удмуртского языка, в научной литературе принято выделять три группы суффиксов: первая группа восходит к финно-пермскому языку-основе (в частности, локатив $*-n_i\{V\}$); вторую группу составляют морфологические маркеры, образованные в общепермский период (например, /-овые падежи, суффиксы абессива, пролатива, эгрессива и др.); третья группа падежей сложилась в период самостоятельного развития каждого из пермских языков (в частности, -н'-овые падежи в северных говорах удмуртского языка: *нълъдн'э* 'к твоей дочери'¹, *пийэзн'ьс'* 'от его сына' и др.). Основной целью данной работы является определение источника происхождения терминативного суффикса в удмуртском пермских языках.

В современной науке представлено несколько точек зрения относительно происхождения морфологических маркеров падежа терминатив в пермских языках. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Одним из первых к изучению данного вопроса подошел венгерский исследователь И. Буденц, который происхождение формальных показателей пермского терминатива относит к самостоятельной лексеме к.-з. *voj*, к.-п. *oj*, удм. *vaz*, ат. «Az egész oz, dp nevuonak latszik (ziirj. votj- važ, až 'elö', s ennek illaavusa aža 'elé')» [7: 382), Следует заметить, что по отношению к коми-зырянскому языку данная гипотеза была выдвинута исследователем несколько раньше и встречается уже в комментариях к текстам А. Попова (см. подробнее: [8: 445]).

Аналогичной гипотезы относительно происхождения терминативных суффиксов в пермских языках придерживался Д.В. Бубрих, который также считал, что морфологические маркеры терминатива произошли от удм. *Азь*

(диал. // коми *водз* // коми-перм. *одз* (< прап. 'перед', 'передний', 'место перед кем- (или чем-) либо' (цит. по: [4: 148]). С данной гипотезой соглашаются Т.И. Тепляшина и В.И. Лыткин: «такое объяснение вполне приемлемо, если допустить, что в коми языках прап. перешел в *ö* под влиянием закона непервого слога, не допускающего употребления лабиализованных гласных, а в удмуртском языке прапермский гласный сохранился» [4: 148].

Морфологический маркер терминатива в пермских языках действительно мог бы развиваться из самостоятельной лексемы, однако в этой гипотезе имеются несколько противоречивых моментов: (1) согласно вышеуказанной гипотезе Т.И. Тепляшиной и В.И. Лыткина, следует считать, что в прапермский период уже существовал терминативный суффикс с огубленным гласным, хотя, общеизвестно, что в финно-угорском языке-основе в непервых слогах употреблялись лишь нелабиализованные гласные - широкие **a/*ci* и узкий **e*, функционирование огубленных гласных было ограничено пределами начального слога (см. подробнее: [3: 159, 165, 193]). Относительно сохранения этого фонетического закона в прапермском языке большинство исследователей и, в частности, Д. Лако, В.И. Лыткин, В.К. Кельмаков и др., также считают, что рассматриваемый фонетический закон непервого слога, по всей вероятности, сохранился без существенных изменений и в общепермский период (см. подробнее: [2: 174-205]); (2) гипотеза не объясняет, почему в коми языке «под влиянием закона непервого слога» перешел в *ö*, а в удмуртском языке сохранился лабиализованный гласный.

Согласно другой гипотезе, герминативные суффиксы в пермских языках представляют собой сложное образование. В частности, с точки зрения Б.А. Серебренникова, суффикс терминатива «составлен из двух суффиксов - латива на *-ö, -e* и латива на *-i*» [5: 61]. По мнению ученого, «в уральских языках оовый латив имел две разновидности – так называемую западную разновидность, представленную чистым *s*, и восточную разновидность, представленную палатализованным *i*» [5: 61]. Такое заключение Б.А. Серебренников делает, опираясь на труды финского исследователя Ю. Вихманна, хотя, следует заметить, Ю. Вихманн *-i*-овый латив для финно-угорского языка-основы не постулировал. Так, рассматривая происхождение терминативного суффикса в пермских языках, Ю. Вихманн проводит лишь параллели между морфологическим маркером терминатива пермских языков и лативом на *-s* (<**t's*) в северных диалектах хантыйского языка (см. подробнее: [13: 162]). Размышления Ю. Вихманна в этом контексте были продолжены другим финским лингвистом Ю.Х. Тойвоненом, гипотезы которого в работе Б.А. Серебренникова оставлены без внимания. В частности, Ю.Х. Тойвонен проводит параллели между следующими показателями финно-угорских языков: фин. *-tse, -tsi: maitse* 'по земле', *meritse* 'по морю' и др.; карел. *-cci: kiillicci, kidicci* 'перед, мимо', *eicci* 'перед, у... мимо' и др., вепс. *-t's'i: k'esk'et's'i* 'через', *slr'ifs'i* 'мимо' и др., эсм-жалутси 'ногами', *kdzitse, kazitsi* 'руками' и др. (...), мокшМ. *-t'sak'* : *ter'tszk'* 'с одной стороны на другую, напротив' | к.-з. *-d'z* :

mued'z 'до земли', *rjtd'i* 'до вечера' | удм. *-d'z*, *-Z* : *purjoi* 'до конца', *tsuknaod'z* 'до конца' | хант. *-t\ -s* : *κTmεδ% kimds* 'наружу' (см. об этом: [12: 164-165]).

По-видимому, для того, чтобы определить ареал распространения так называемого *i*-ового латива, в своей монографии «Историческая морфология пермских языков» Б.А. Серебренников, ссылаясь на труды венгерского исследователя П. Хайду, отмечает: «Петер Хайду (...) пытался отождествить окончание инфинитива на *-s* в ненецком языке с окончанием особого латива на *-s*. При этом Хайду делает очень интересный вывод: «Элемент *s*, который в самоедском употребляется иногда как падежный суффикс, но чаще как суффикс инфинитива, можно сравнить с финно-угорским *s*, сохранившимся в таких языках, как остяцкий, зырянский, вотяцкий, мордовский, эстонский и финский, и, возможно, вогульский, в форме суффикса латива, т.е. пролатива или терминатива». Таким образом, Хайду пытается установить связь самоедского латива на *s* с пермским терминативом. Все эти соображения заставляют сделать вывод, что в уральских языках *s*-овый латив имел две разновидности» [5: 61]. Однако, при внимательном прочтении текста статьи венгерского исследователя становится ясным, что морфологические показатели исследуемых форм он возводит не к *s*-овому лативу (как утверждает Б.А. Серебренников), а к финно-угорскому суффиксу **s*: «Fragt man sich nun, ob es eine Entsprechung des behandelten *-i* Suffixes in den finnisch-permischen Sprachen gibt, so kann diese Frage bejahend beantwortet werden. Wir stellen dem sam. Suffix das fluogr. Lativ-Prolativsuffix **s* [выделено нами. —*K K*] gleich, das im Ostj. in lativischen Adverbien (O. *qoyts* 'nach Hause zurtick', DN *qoytf* 'hinein'), im Finnischen als Prolativ (*-tse*, *-tsi*), im Mordv. in einigen Adverbien in der Form *-t'sok'* und in den permischen Sprachen als Suffix des Terminativs (*-d'z* ~ *-i*) erhalten geblieben ist. Vielleicht gehört auch das wogulische Adverbialsuffix (*-i*)*s'* hierher» [10: 271] (см. об этом также: [9: 129]).

Еще одна гипотеза, посвященная выявлению происхождения терминативных маркеров в пермских языках, связана с работами А.И. Емельянова. Рассматривая происхождения морфологического маркера терминатива в удмуртском языке, А.И. Емельянов связывает его с финно-угорским лативным **-s* ~ **-z*. Элемент *-o* в структуре исследуемого показателя, по мнению ученого, может представлять собой посессивный суффикс: «*d'z*, *-i*, *-i*. Суффиксы *terminative-a* доносительного падежа. Гласная перед ним всегда бывает *-o*, никогда не выпадает и не чередуется; вероятно тут имеем дело с посессивным суффиксом. Конечный звук *-d'z* в его фонетических изменениях может быть родственен лативному суффиксу **-s* ~ **-z* (+ передняя гласная)» [1: 125].

Однако, с нашей точки зрения, гипотезы как Б.А. Серебренникова, так и А.И. Емельянова в целом кажутся маловероятными, поскольку: (1) в научной литературе не представлены убедительные гипотезы как о функционировании латива на *-o*, *-e*, так и посессивного суффикса на *-o*; (2) как в фонетической системе современных удмуртского и коми языков, так и в прапермском языке-основе была характерна четкая дифференциация фрикативных **S* и **i*.

Наличие же *i*-ового латива в системе финно-угорского праязыка не подтверждается лингвистическими примерами.

В современной уралистике представлена еще одна гипотеза относительно происхождения морфологических маркеров предельного падежа, которая поддерживается большинством лингвистов. Согласно данной гипотезе, корни терминативного суффикса в пермских языках следует искать в суффиксе финно-угорского происхождения, о котором в свое время писал П. Хайду (см.: [9: 129; 10: 271]). Данная точка зрения представлена в трудах большинства современных исследователей, в частности, в трудах венгерского академика К. Редей: «Terminativ: syrj. - *ez* ~ *wotj*. - *oʒ*, -*oʒ* -*oś* < PU Lativ *-*ćz*» [11: 382]; в исследованиях финского ученого Р. Бартенс: «**Terminatiivin** paate on udm. -*oʒ*, komiP - *oʒ*, komiJ - *eʒ* komi ~ *oʒ*. Kantapermin terminatiivin paatteella - *Vʒ* on vastine hantin latiivisessa adverbini paatteessa. Paatteen alkuperaiseen asun oletetaan olleen [6: 87] и др.

Учитывая, что в общепермский период произошло sporadическое озвончение инлауных глухих, в их числе и аффрикат (см. об этом подробнее: [2: 288-289]), кажется возможным, что морфологический маркер терминатива мог возникнуть из прауральского *-*ćz*. По-видимому, после отпадения конечной гласной и озвончения *-*ć* происходит переразложение морфемного шва, и в структуру падежного маркера проникает неогубленная гласная. Скорее всего, в общепермский период, в зависимости от основы слова, в структуре морфологического маркера терминатива выступали как широкие, так и узкий гласный. В период самостоятельного развития удмуртского языка формы на по-видимому, подверглись процессу лабиализации и, будучи более частотными в употреблении, закрепились в качестве терминативного суффикса. Гласная -*a*, функционирующая в морфологической структуре терминативных суффиксов притяжательного склонения, скорее всего, не подверглась процессу лабиализации, поскольку представляла собой системное явление (аналогичное явление характерно и для соответственного падежа). Возникновение диалектных алломорфов терминатива скорее всего является более поздним явлением, вызванным фонетическими и морфоно-логическими особенностями конкретного диалекта или говора, а также в ряде случаев позиционными характеристиками словоформы

Таким образом, в диахроническом отношении терминативный суффикс удмуртского языка -*oʒ* - / -*oʒa*- можно отнести к простым суффиксам, так как он представляет собой наследие прафинно-угорского языка-основы.

Литература

1. Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград, восточный ин-т им. А.С. Енукидзе. – Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. – 160 с.
2. Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. язы-козн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. – Часть 2. – 395 с.

3. ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1974. – 484 с.
4. ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1976. – 466 с.
5. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
6. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. – 376 s.
7. Budenz J. Zurjen nyel vmutatvany ok: I. Popov Andras: «Keresztyen jamborsag peldai» II. Szavvajitov Pal ztirjen nyelvtanabol // NyK. – 1879 (15). – 407-461 old.
8. Budenz J. Az ugor nyelvek osszehasonlfto alaktana. – Budapest: Kiadja a Magyar Tudomanyos Akademia. – 1884-1894. – 391 old.
9. Haidu P. Lativus es infinitives kapcsolata a szamojedban // In memoriam Gedeon Meszoly. – Szeged, 1961. – 119-131 old. (= Acta Universitatis Szege-diensis. Sectio Ethnographica et Linguistica).
10. Haidu P. Lativ und Infinitivi im Samojedischen // CIFU. Budapestini habitus 20-24. IX. 1960. -Budapest: Akademiai Kiado, 1963. – S. 269-271.
11. Redei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). – Leiden-New York-Kobenhavn-Koln, 1988. – S. 351-394.
12. Toivonen Y. H. Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten // FUF. - 1928 (XIX). – Heft. 1-3. – S. 1-270.
13. Wichmann Y. Zur permischen grammatik // FUF. - 1923-1924 (XVI). - S. 143-163.